
ВЫНУЖДЕННАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ

УДК: 159.942; 81'27; 81'42

DOI: 10.31249/chel/2021.02.08

Адамс П.К.

РЕФЛЕКСИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ^{©1}

*Техасский университет в Остине,
Остин, Техас, США, paul.adams@austin.utexas.edu*

Аннотация. Пандемия COVID-19 создала серьезную проблему для университетов и колледжей. В высших учебных заведениях США реакция на вирусную вспышку в значительной степени определялась отдельными лицами, принимающими решения, включая профессоров, заведующих кафедрами и деканов. Будучи профессором географии, автор практиковал метод автоэтнографии как процесс и способ понять свои компетенции и предложить стратегии совладания с проблемами, как повод разобраться в своих социальных взаимодействиях и реакциях, а также своих взаимодействиях с социальными отношениями власти с определенной позиции. Давний научный интерес к коммуникационным возможностям средств массовой информации позволил автору сосредоточиться на траекториях от кампуса до домашнего офиса, от занятий в аудиториях до онлайн-контекстов «дистанционного обучения», от коммуникаций на местах до зависимости от цифровых технологий. Исследование показывает наличие устойчивости практик и адаптацию к сложившимся условиям, но также разобщенность и хрупкость мира в период пандемии.

Ключевые слова: COVID-19; место; медиа; автоэтнография; ведение журнала наблюдений; гибкость.

Поступила: 22.08.2020

Принята к печати: 12.01.2021

© Адамс П.К., 2021

¹ Перевод с англ. Лавреновой О.А.

Adams P.C.

**Everyday life reflection within the framework of
COVID-19 pandemic: natural experiment in academia[®]**

University of Texas at Austin,

Austin, Texas, USA, paul.adams@austin.utexas.edu

Abstract. The COVID-19 pandemic created a profound challenge for universities and colleges. In the USA, the response to the viral outbreak within institutions of higher education was largely driven by individual decision-makers, including professors, department chairs, and deans. As a professor of geography, the author undertook auto-ethnography as both process and product, a way to learn about his competencies and coping strategies, his social interactions and responses, and his engagements with social power relations from a particular positionality. As a scholar with longstanding interest in communication media, the author focused on a trajectory from the campus to the home office, from place-based scholarship to the online contexts of «distance learning», from in-place communications to dependence on digital technologies. The study reveals resilience and adaptation but also incompleteness and fragility.

Keywords: COVID-19; place; media; auto-ethnography; journaling; resilience.

Received: 22.08.2020

Accepted: 12.01.2021

Введение

Неделя 15 марта 2020 г. была весенними каникулами для студентов и преподавателей Техасского университета, которые люди обычно используют, чтобы путешествовать и наслаждаться приятной погодой. В этом году в середине весенних каникул университет оповестил всех студентов и преподавателей, что перерыв в занятиях будет продлен на дополнительную неделю из-за COVID-19. Занятия возобновятся 30 марта, и в течение семестра они будут проходить онлайн. Вероятно, большинство студентов были довольны дополнительной неделей каникул, но ситуация была менее привлекательной для профессоров, преподавателей и тьюторов: они должны были немедленно приступить к перепроектированию своих курсов и подготовке материалов для дистанционного обучения.

Пандемия COVID-19 создала серьезную проблему для университетов и колледжей. В течение нескольких недель большинство кампусов в США были закрыты и курсы велись онлайн до кон-

ца семестра. В условиях острой нехватки эффективного, научно обоснованного руководства на государственном и федеральном уровнях реакция американских университетов и колледжей определялась отдельными лицами, принимающими решения в этих учебных заведениях. Процесс начался 6 марта с Вашингтонского университета. Десять дней спустя свои двери закрыли более 100 учреждений [Ellis, 2020]. Онлайн-обучение, бывшее темой спекулятивного интереса и экспериментов уже более десяти лет [The MOOC model ..., 2010; Weller, 2011], внезапно стало необходимостью.

Как географ с давним интересом к средствам коммуникации и их связи с мобильностью, а также с особым интересом к виртуальному пространству (см., например, [Adams, 1997; 1998; 2013]), я обнаружил, что ситуация более чем просто неприятна. Это своего рода *естественный эксперимент*, в ходе которого у меня была возможность наблюдать новые способы, какими коммуникационные технологии заменяют личное взаимодействие. Я принял решение рассматривать эту ситуацию как единственный в жизни шанс узнать, что происходит, когда география повседневной жизни перестраивается, социальные ситуации «дистанцируются», по определению Энтони Гидденса [Giddens, 1995], и социальные связи «растягиваются» в пространстве вместо того, чтобы концентрироваться в определенном месте.

Решив использовать этот естественный эксперимент в качестве исследовательского проекта, я столкнулся с серьезной проблемой. Обычно требуется несколько месяцев, чтобы получить одобрение исследования Институциональным наблюдательным советом в университете. Проведение исследований с участием людей обычно требует месяцев подготовки, чтобы привести документацию в порядок. Однако мне нужен был способ немедленно начать проект, чтобы зафиксировать изменения, которые уже происходили в окружающем мире. Простое решение состояло в том, чтобы включить в число соавторов небольшую группу других ученых. Мы намеревались изучать самих себя, что не требует разрешения, и предполагали сосредоточиться на изменениях, которые COVID-19 внес в нашу академическую жизнь: миллиарды людей во всем мире вынуждены были приспосабливаться к социальной дистанцированности. Образование занимает особое место в этой ситуации, потому что в обычное время оно включает в себя все виды собраний от классов начальной школы до университетских

лекций и международных конференций. Мы рассчитывали многое понять о распространении социальных отношений в пространстве во время пандемии COVID-19 с помощью технологии, которую Э. Гидденс называет дистанцированием (*distanciation*) [Giddens, 1995], изучая самих себя. Договорившись с профессорами из США, России и Китая, а также со студентами и аспирантами из США, я приступил к работе.

Ниже приведены некоторые из моих исходных материалов для этого проекта, сокращенные и отредактированные, чтобы сделать журнал наблюдений (дневниковые записи) понятным для международной аудитории. В центре внимания будет процесс моих размышлений об изменениях в жизни, изучение быстрых изменений в географии моего повседневного бытия, изучение собственной устойчивости и хрупкости, а также изучение новых форм дистанцирования с применением метода автоэтнографии.

Методы

Автоэтнография – это зависящий от позиционирования одновременно и процесс, и продукт, способ осознания 1) своих профессиональных качеств и копинг-стратегий, 2) социального взаимодействия и реакций и 3) взаимодействия с общественными организациями и властями, зависящего от позиционирования [Denshire, 2014; Auto/ethnography ..., 1997; Ellis, Adams, Bochner, 2011]. Человек, использующий метод автоэтнографии, смотрит на свою жизнь аналитическим и критическим взглядом. Привычка к ежедневному письменному размышлению, ведению дневника может быть трансформирующей, потому что предшествующие модели мышления ученика в конечном счете вырастут и изменятся [Hubbs, Brand, 2005, p. 63]. Процесс регулярной саморефлексии обычно вызывает изменения в сознании и поведении человека, но бывает и так, что изменения происходят как скачок или «прозрение», внезапное озарение, ведущее к длительному изменению мировоззрения или идентичности [Ellis, Adams, Bochner, 2011, p. 273, 275]. Саморефлексия и самооценка не являются врожденными умениями. Это навыки, приобретенные благодаря практике, и ведение дневника обеспечивает эту практику, которая изменяет взгляд человека на события, переживания, эмоции и отношения с другими

[Hubbs, Brand, 2005]. Ведение ежедневных записей поддерживает метод автоэтнографии как способ преобразующего обучения (transformative learning), как процесс, посредством которого мы преобразуем наши само собой разумеющиеся системы отсчета (смысл, перспективы, привычки ума, установки ума), чтобы сделать их более инклюзивными, различающими, открытыми, эмоционально способными к изменениям и рефлексивными, чтобы они могли генерировать убеждения и мнения, которые окажутся более точными или оправданными для руководства действиями [Learning as ..., 2000, p. 7–8]. Ведение дневника обычно используется как прием в психотерапии и консультировании, он также может быть полезен в качестве метода исследования для других дисциплин, включая географию и теорию СМИ.

В таком рефлексивном исследовании важно заранее заложить теоретическую основу ведения дневника, в зависимости от которой он будет фокусироваться на тех или иных действиях или отношениях. Чтобы подготовиться, мы с коллегами из Техасского университета провели видеоконференцию на платформе Zoom. В ходе нашей дискуссии возникло несколько основных вопросов: пространство и место, социальные проблемы, педагогические проблемы, технические проблемы, эмоционально-психологические проблемы, физические проблемы и проблемы, связанные с повседневной жизнью людей. Каждый из вопросов имел различные подпункты, некоторые из них указаны ниже (см. табл.).

Темы, затронутые в авторском журнале COVID-19

Пространство и место	задача создания или модернизации домашнего офиса; опыт возвращения в пустой кампус, связанный с эмоциональной привязанностью к своему «настоящему» офису, к тем местам в своем районе, которые изменились
Социальная сфера	«отключение» от студентов, взаимодействие на онлайн-встречах и занятиях; обучение тому, как справляться с отвлекающими факторами при работе дома; отсутствие личного взаимодействия и физического прикосновения

Педагогическая сфера	трудность чтения лекций без непосредственно видимой аудитории; интенсивность подготовки к онлайн-курсам; сдвиги в социальной динамике при консультировании студентов по телефону; эффективность и неэффективность онлайн-курсов
Техническое обеспечение	получение кабелей, мониторов и принтеров, настройка их в домашнем офисе; люди во время видеоконференции «выпадают», «зависают» или разговаривают странными голосами; развитие навыков работы с компьютерными сетями; сложность предотвращения мошенничества и оценки обучения студентов
Эмоциональная / психологическая сфера	недостаток энергии, скука, одиночество, депрессия; противоположность вышесказанному, прокрастинация и избегание; увеличение интенсивности взаимодействий в домашней среде
Физическая сфера	физическая неусидчивость, увеличение или уменьшение физической активности; близость к холодильнику и кухне, изменение пищевых привычек
Вопросы, касающиеся повседневной жизни	увеличение рабочего времени и удлинение рабочей недели; шумовой фон, создаваемый членами семьи; покупка товаров онлайн; «ходить на работу» означает оставаться дома

Результаты исследования

В качестве общего замечания следует отметить тот факт, что ведение дневника не только фиксировало данные, но и позволяло более вдумчиво реагировать на пандемию COVID-19. Аргументы, вытекающие из сравнения моего дневника с дневниками, написанными другими участниками (о них я пишу в других статьях, которые готовятся к печати, например, [Chapter 13 ..., 2021]), невозможно проверить, поскольку нет «контроля» для такого рода эксперимента. Мы все извлекали пользу из способности «обрабатывать»

происходящее с помощью метода автоэтнографии, а не просто проживать его не рефлексирруя. Именно необходимость рефлексии как профессиональной задачи помогла нам быстрее адаптироваться к трансформации академической жизни. Кроме того, наши размышления оставляют «моментальный снимок» времени быстрых перемен.

Я начал свои записи через две недели после того, как мы с женой ушли на самоизоляцию, и через неделю после того, как я начал серьезно работать над тем, чтобы проводить мои занятия онлайн.

Я пишу о переносе моего основного рабочего места из офиса в кампусе в мой дом. До пандемии я обычно проводил в студенческом городке четыре или пять дней. Мои ранние дневниковые записи запечатлели чувство потери, вызванное внезапной необходимостью работать из дома.

30 марта 2020 года

Я переделал свой домашний офис сегодня во второй раз за неделю. Мне никогда не нравилось работать дома, хотя стол просторный, и, теоретически, я мог бы все делать с ноутбука на моем домашнем столе. Мой стол в кампусе больше, и там мощный настольный компьютер с двумя мониторами и собственным принтером. Но это ничего не говорит о самом офисе, который находится с южной стороны здания, на третьем этаже с видом на бассейн и пальмы. Этот кабинет залит светом, который иногда мешает видеть экраны, и мне приходится опускать штору, но кажется, что моим глазам необходим такой уровень яркости, и каким-то образом он резонирует с открытым пространством напротив моего кабинета, где расположены кабинеты аспирантов. Мне кажется, что я плыву над бассейном с одной стороны и над кабинками выпускников с другой. Звуки волейбола, доносящиеся от бассейна, и болтовня аспирантов немного отвлекают меня, но как только я адаптируюсь, звуки напоминают о счастье: бассейн, в котором плавают студенты, наслаждающиеся коротким досугом, студенческие кабинки, где молодые ученые в мгновение ока превращаются из робких новичков в коллег с определенной склонностью к исследованиям и первыми славными успехами в своих резюме.

Теперь мой настольный компьютер находится дома вместе с двумя мониторами и принтером. Комната, которая стала моим домашним офисом, не особенно солнечная и светлая, поэтому я переместил стол в угол, где на него попадает больше солнца. Отсюда я могу хотя бы мельком видеть все, что происходит на улице, и открывая окна, ощущать, что нахожусь во дворе. Но когда я это сделал, мой локоть уперся в комод. Ножки моего стула также все время натывались на него. Поэтому я передвинул комод, чтобы создать за моей спиной открытое пространство, и больше не чувствовал себя взаперти. Я понял, что могу приспособиться к этой ситуации.

Сегодня 30 марта, и у меня первый учебный день после весенних каникул. Оба моих класса «встретились» сегодня, а это значит, что я подготовил онлайн-тесты по нашей системе онлайн-обучения Canvas¹, загрузил лекции для обоих классов и загрузил «раздаточный материал» для каждого из них. Я записывал лекции, чтобы они шли с презентациями PowerPoint. Это был трудоемкий процесс, я работал над презентацией, разговаривая с экраном своего компьютера. Было трудно поддерживать энергию нормальной лекции без аудитории, много раз во время записи я не мог придумать, что сказать. Это не похоже на мой обычный опыт чтения лекций перед аудиторией. Обычно я никогда не теряюсь в словах.

Рефлексия: я отказываюсь от офиса в кампусе и переносю свое рабочее место домой. Перемена в расположении моего кабинета, дополнительная работа и ощущение недостаточной подготовки к занятиям – все это вместе взятое затрудняет концентрацию внимания. Я больше не чувствую себя «дома», занимаясь исследованиями, в процессе подготовки к занятиям или читая лекции, хотя физически я дома. Периодически работа теряет свою власть надо мной, и я отвлекаюсь.

31 марта 2020 года

Это был день с очень низкой энергетикой, слабой мотивацией, медленным прогрессом. Сам по себе день был прекрасен – ясный и солнечный, с легким ветерком, не слишком жаркий,

¹ Canvas (<https://www.canvas.net>) – международная интернет-платформа для создания полнофункциональных массовых открытых онлайн курсов (MOOC).

наполненный птичьим щебетом. Открытое окно возле стола (что было бы невозможно в моем офисе в кампусе) позволяло мне чувствовать себя частицей дня. Это не всегда было хорошо, потому что создавало ощущение замкнутости внутри ограниченно-го пространства, и я не мог дожидаться возможности выйти наружу и пообедать. Мы с Кариной [моей женой] «накрыли стол» во дворе на старом одеяле. Пожалуй, самым примечательным событием дня была драка между двумя кардиналами (парочкой) и голубой сойкой, которая произошла прямо под моим окном. Кардиналы доставляли сойке много хлопот. Я погуслил «почему другие птицы не любят голубых соек» и выяснил, что сойки едят яйца и птенцов других птиц и даже взрослых птиц других видов. Мило.

Сегодня у меня было запланировано занятие, я открыл чат на Canvas, но никто не пришел. Оглядываясь назад, я понимаю, что не завершил план создания рабочего времени на основе Canvas'a, но оставил расположение для дневного занятия либо в Canvas'e, либо в Zoom'e. Не настраивая масштабирование, я полагал, что некоторые студенты «заскочат» на Canvas, но, возможно, лекции, которые я загрузил, пока достаточно понятны. Когда я нахожусь в своем офисе в кампусе, я предполагаю, что нет студентов, которые нуждаются в моей помощи, пока никто не приходит в мой кабинет. При использовании онлайн-настройки все кажется более неопределенным. Был ли кто-то, кто нуждался в помощи, но не смог понять, как связаться со мной?

Рефлексия: мое внимание ускользает от моих занятий и исследований, оно занято маленькими природными драмами, происходящими во дворе. Это напоминает мне о том, как легко мои ученики могут потерять концентрацию на учебе. Тот факт, что студенты не появляются в Интернете, чтобы встретиться со мной во время «офисных часов» онлайн, усугубляет чувство, что все разваливается. Это только первая неделя социального дистанцирования, но мое отношение к ситуации стало негативным. Я становлюсь подавленным и дезориентированным, о чем свидетельствует следующая запись.

4 апреля 2020 года

День (суббота) дождливый и серый. Я понимаю, что какие-то изменения происходят в моем отношении к работе в связи с погодой. Когда светит солнце, я с трудом могу находиться в углу комнаты, где стоит мой письменный стол, и постоянно думаю о том, чтобы выйти на задний двор. Это потому, что двор так близко, он выглядит таким сонным и мирным, окна открыты, заставляя меня чувствовать, что я упущу прекрасный день, если не брошу свою работу и не выйду на улицу. Так что да, мой обеденный час становится длиннее часа, и мое утро и день, как правило, разбиваются. Когда погода плохая, как сегодня, я просто сижу за столом и чувствую себя подавленным во время работы. Это не похоже на то ощущение, когда кто-то работает, а ты чувствуешь себя слишком подавленным, чтобы работать. Если бы я пошел в свой университетский офис, я бы, конечно, пересекся с кем-то, кто тоже работает в субботний день, и почувствовал немного товарищеского участия. Внутри кампуса в кабинете, изолированном от внешнего мира, я бы чувствовал себя совсем иначе, чем в домашнем офисе. Определенно, было бы легче сосредоточиться. Кроме того, дома телефонный разговор Карины или ее комментарии самой себе о ее напряженном дне, кажется, тянут меня в другом направлении, и это похоже на плавание в потоке в попытке сделать что-то. По крайней мере, я могу приготовить кофе дома, и кофе лучшее, чем все, что я мог бы получить в кампусе.

Минуту назад я изменил последние два слова абзаца на «в кампусе», вычеркнув слова «на работе». Моя голова все еще держит категорию «на работе» как значение «в кампусе». Дома мне кажется, что я не совсем «на работе», даже когда я работаю. Такое чувство, что я отвлекаюсь от чего-то, что мне больше нравится делать, что не так уж удивительно, поскольку сегодня суббота. Но если бы я пошел в офис, то весь день был бы в хорошем настроении: уходил, работал и возвращался домой. Мое настроение здесь, дома, в углу, поскольку я вынужден работать в этот день, не очень хорошее.

Рефлексия: рабочие задачи быстро стали слишком объемными для нормальной пятидневной рабочей недели. Моя рассеянность сочетается с необходимостью сократить количество и качество свободного времени. Я стараюсь сосредоточиться на других

механизмах овладения ситуацией – на разговоре с соседями, но даже случайные занятия и общение – это не одно и то же, и это приводит к разочарованию.

Следующая запись окрашена настроением разъединенности. Как опосредованная, так и непосредственная коммуникация начинается казаться мне неполноценной, потерей случайных и спонтанных взаимодействий, оставляя меня оторванным от студентов, друзей, соседей и семьи.

8 апреля 2020 года

Сегодня была среда. Это был жесткий день. Сегодня утром в 8.30 у меня было заседание редакционной коллегии «Географического обозрения», а в 10.00 – семинар по урбанистике. Затем я загрузил лекцию по географии в 14.30. Это было утомительно, главным образом потому, что это новый опыт, я потратил много времени, пытаясь втиснуть в презентацию PowerPoint основные моменты двух глав книги Бойкова [Boykoff, 2019]. Проект должен быть интересным, но я не знаю, теряю ли я и этих студентов. Есть несколько человек, которые уже кажутся немного отстраненными. Мне нужно сделать опрос, который будет не ограничен по времени, однако потребуется время, чтобы воссоздать старый тест, но не задавать те же вопросы. Студенты испытывали трудности с выходом в Интернет, так как им пришлось переехать домой на оставшуюся часть года, у некоторых возникли технологические проблемы. Все кажется очень эфемерным, даже несмотря на то, что я здесь прикован к столу в углу. Я напряжен и зол, как старый краб. Мое тело жаждет физических упражнений, а голова требует разрядки. Из-за неумелости, нечестности и тупости некоторых лиц, принимающих решения, случаи ежедневного заражения COVID-19 начинают расти. Мы с Кариной изолированы от друзей и общественных мест уже четыре недели.

Я могу пойти посидеть во дворе и поговорить с соседями. Но я чувствую себя странно, садясь в шести футах от них, чтобы поболтать, поэтому это не самая лучшая идея. Для такого общения нужно, чтобы я действительно не был занят. Я не чувствую, что мои соседи соблюдают карантин, поэтому любая встреча с ними заставляет меня нервничать. К сожалению. По-

тому что действительно странно не общаться, когда мы все постоянно здесь, в наших двух домах по соседству.

Рефлексия: странно и неестественно держать дистанцию между собой и другими, особенно когда привык постоянно близко общаться со студентами и соседями. В моей работе и повседневной жизни есть ощущение разобщенности.

Однако следующая запись фиксирует эмоциональный сдвиг.

10 апреля 2020 года

Сегодня был хороший день. Я немного задержался в электронной почте и проверил количество завершенных опросов для URB315¹. По трем из четырех опросов мы приближаемся к 100 ответам. Это отличная новость. Она означает, что студенты готовы к прохождению опроса и приняли новые правила игры. В одном из тестов всего 33 ответа, но я думаю, что студентов можно мобилизовать на большее. Я вывешивал результаты каждого опроса и представлял их как спортивный комментатор. Это было глупо, но я думаю, что это сработает, чтобы мотивировать студентов прислать еще несколько ответов в эти выходные. Данных для работы уже достаточно. Это заставляет меня успокоиться относительно утреннего занятия, если, конечно, я все еще могу назвать его «утренним занятием». В понедельник и среду утром я обычно беспокоюсь об этом занятии, когда блуждаю по дому на пятой неделе изоляции. Теперь у студентов есть данные для проектов, и мне не нужно так сильно беспокоиться. На этом этапе, помимо загрузки и выгрузки данных и предоставления их всем, я, наконец, могу начать расслабляться.

Сегодня я действительно чувствовал себя намного лучше. Я медитировал вчера утром и сегодня в саду. Поговорил по телефону с умной студенткой, которая работает над своим дипломным проектом по урбанистике. У нее серьезные проблемы с прокрастинацией и синдромом дефицита внимания. За несколько недель она почти ничего не сделала. Что заставило ее снова начать? Веб-сайт под названием Focusmate², который позволяет вам войти

¹ URB315 = Urban Studies Research Methods – «Методы исследования в урбанистике» – учебный курс, который преподает профессор П.К. Адамс. – *Прим. пер.*

² Focusmate (<https://www.focusmate.com>) – интернет-сообщество, созданное для борьбы с прокрастинацией путем виртуального сотрудничества.

в систему в тандеме с каким-то другим человеком где-то в мире и работать одновременно над тем, что вам нужно. Это очень странно. С Focusmate вы не общаетесь в чате или сети с другим человеком; вы просто работаете, каждый на своем месте, над тем, что вам нужно сделать. Я не могу полностью осознать это, но если такой подход работает для моих студентов, это отлично.

Сегодня я подстриг газон и съел на обед свежую пасту с листьями салата, собранными в садике на заднем дворе. Это я не смог бы сделать во время обычного рабочего дня в офисе. Но все же я скучаю по городу и хотел бы снова почувствовать вокруг себя его гул.

Рефлексия: через три недели кризиса (считая с начала моих серьезных усилий по перестройке занятий) мои ученики и я, кажется, адаптировались. Мои студенты-урбанисты сумели собрать достаточно данных для своего исследовательского проекта, студентка, работающая над независимым проектом, наконец нашла способ преодолеть «затык» в написании работы, я заново открываю для себя практику медитации и замечаю, что это удовольствие – каждый день собирать свежий салат с моих грядок на заднем дворе, чтобы съесть его за обедом. Новая рутина по-своему приносит удовлетворение.

14 апреля 2020 года

Я присутствовал на первом заседании аспирантуры по поводу аспирантки, которая работает с одним из моих коллег. Оно проходило, конечно, в Zoom. Аспирантка представила презентацию PowerPoint, а затем мы дали ей несколько советов относительно библиографии. Есть что-то утомительное в таких встречах, и я был готов к этому, когда подошел обед. Мне показалось интересным, что некоторые голоса были пронзительными, и их было трудно слушать. Это помогло переключиться на использование наушников. Качество их динамиков облегчало прослушивание, а также устраняло шумы, доносящиеся из соседней комнаты, где Карина тоже вела занятие онлайн. Что мне не нравится, так это говорить в наушниках. Мой собственный голос звучит в них очень странно, и я не был уверен в том, что другие слышат его не искаженным. Поэтому я снимал наушники всякий раз, когда

начинал говорить, а закончив, снова надевал их, – не идеальный вариант.

В конце дня я выступал в качестве гостя в классе доктора Бэннера. Студенты были хорошие. Их было пятнадцать или около того, как выпускники, так и студенты, и мне удалось уложить лекцию в полчаса. Мне также удалось заставить PowerPoint работать, я смог поделиться своим экраном с презентацией, хотя это был для меня новый опыт. Проблема, с которой я столкнулся, на самом деле была не техническая, а когнитивная. Я чувствовал, что говорю с экраном или с самим собой. Мне было трудно сосредоточиться и говорить с аудиторией связно и убедительно. Я привык включать свое «другое Я», когда стою перед большой группой людей, а это не работает, когда сидишь на стуле в углу собственного дома. Онлайн-лекция прошла лучше, чем неделю или две назад, но все равно была трудной и утомительной.

Рефлексия: эта запись относится к двум различным академическим ситуациям, которые немного необычны: заседание аспирантуры и гостевая лекция в классе другого профессора. Мой адаптационный процесс был сведен к нулю этими академическими встречами. Ясно, что адаптация, которая произошла к этому моменту, является частичной и неполной. Если происходит небольшое изменение ситуации, онлайн-общение становится интеллектуально истощающим, «резким на слух», когнитивно запутанным и утомительным.

15 апреля 2020 года

Последним часом в офисе была встреча преподавателей с новым деканом факультета гуманитарных наук. Она [декан] рассказала нам о ситуации с COVID-19... Как ни странно, большинство преподавателей не произнесли ни слова на собрании. Мало того, что на собрании преподавателей в зоом-формате выступает меньше людей, так еще и нет светской беседы непосредственно до или после собрания. Было грустно, когда в конце люди начали исчезать, и экран быстро перестроился с примерно 20 говорящих голов на менее чем 10, на «горстку маленьких упакованных лиц». В этот момент я нажал кнопку «покинуть собрание», чтобы не пришлось наблюдать, как наши ряды редеют.

Вечером мы поужинали, посмотрели часть шведского фильма, затем Карина легла спать, а я посмотрел запись Девятой симфонии Бетховена в исполнении оркестра филармонии Осло. В первый раз за долгое время я просто наблюдал за музыкальным действием на своем компьютере, но было довольно интересно следить за музыкой Бетховена. Вместо мелодий он создает маленькие навязчивые фрагменты – фразы, которые он повторяет и переплетает снова и снова, размывая их формы и позволяя им сталкиваться с другими темами, наслаждаясь тем, что музыка не принимает форму, минута за минутой. Я никогда раньше не понимал, что музыка Бетховена подобна первозданному бульону.

Рефлексия: эта запись дает понимание причины непродуктивности онлайн-встреч. Дело в том, что устраняются случайные и спонтанные социальные взаимодействия. Это чисто деловой вопрос. Также эта запись показывает нечто неожиданное – а именно то, что мои эстетические чувства изменились за время «заключения». Музыка Бетховена больше не кажется мне скучной. Что-то в моем душевном состоянии изменилось. Может быть, я стал терпеливее, и это позволяет мне слушать музыку по-новому.

16 апреля 2020 года

Около полудня я «сидел» в классе коллеги, чтобы дать оценку коллегиальному обучению. Ее занятие прошло хорошо, около $\frac{3}{4}$ студентов говорили, и они, казалось, были довольны форматом Zoom. За левым плечом преподавателя я мог видеть ее сына, работающего на своем ноутбуке за кухонной стойкой, а за правым – ее бывшего мужа, сидящего за ноутбуком во внутреннем дворе. Наши жилые помещения теперь служат рабочими местами, собирая в одной комнате всех вместе, включая взрослых детей и бывших супругов!

Во второй половине дня я отправился в продуктовый магазин центрального рынка. Когда все носят маски, всё выглядит сюрреалистичнее. Когда я дышу, мои очки запотевают. Работники магазина, похоже, больше не знают, где находятся те или иные товары, что заставляет меня подозревать, что персонал сменился. Все сыпучие товары предварительно упакованы. Люди стараются держаться на расстоянии шести футов друг от друга. Это неудобно, женщина впереди меня упаковала свои покупки,

а затем должна была вернуться, чтобы заплатить, но я стоял на ее пути. Она должна была попросить меня отступить, но боялась подойти или даже заговорить со мной. Мне потребовалась минута, чтобы понять, что происходит.

Рефлексия: это еще один отчет о несколько необычной форме академического взаимодействия – наблюдение и оценка работы своего коллеги-преподавателя, а также о довольно обычном аспекте повседневной жизни – покупке продуктов. Переживание этих двух случаев неожиданно странно. Череда подобных переживаний может привести к ощущению своей неуместности и своего отсутствия в данном месте. Это чувство похоже и не похоже на то, что испытывает человек, когда находится в путешествии или заблудился. Новые повседневные практики еще не стали рутиной, поэтому человек больше не чувствует себя «дома» в обыденной жизни.

17 апреля 2020 года

Я начал день с посещения Верхней корочки [местной пекарни], чтобы забрать хлебобулочные изделия, которые я заказал накануне вечером: простой круассан, круассан с начинкой из сливочного сыра, шинкен и черничный рулет. Порядок был тот же самый: приехать на велосипеде, отправить в пекарню номер парковки и мое имя, ждать человека в маске, который принесет мою еду. Это не похоже на уютную рутину завтрака в ярко освещенной столовой с семьями, детьми, стариками и парами вокруг меня, куда я бы взял свой ноутбук и работал над небольшим исследованием в этой оживленной атмосфере. Тем не менее, я чувствовал себя хорошо, катаясь на велосипеде по окрестностям, чтобы добраться до пекарни и обратно. Это было приятно, словно бы покровительствовать одному из моих любимых мест потребления пищи.

Я работал с электронной почтой – казалось бы, бесконечная задача. Я присутствовал на мини-конференции по устойчивости с тремя докладчиками, связывающими COVID с темой устойчивости, которую мы изучали в PT2050¹ до вспышки болез-

¹ PT2050 = учрежденный университетом междисциплинарный исследовательский проект «Planet Texas 2050», в котором участвует профессор П.К. Адамс. Проект построен вокруг идеи коллаборации научных исследований планеты Земля и сфокусирован на локальной проблематике и изучении отдельных кейсов. – Прим. пер.

ни. Некоторые презентации были более успешными, чем другие. Зоот-встречи для меня все сливаются в одну. Мне трудно вспомнить их, не пройдя через кампус, не найдя комнаты, не поговорив ни до, ни после, чтобы связать воспоминания. Эти встречи в Зоот всегда заканчиваются внезапно, и у меня остается ощущение, что я не видел людей, которых знал, даже если они и были «там». Было одно интересное событие во время встречи, когда женщина-ученый, которая говорила, отвлеклась на звук в комнате, затем повернулась, посмотрела вниз и подняла малыша, который не хотел, чтобы его проигнорировали. У него был грязный рот, она его вытерла и продолжила говорить с группой. Дети очарованы экраном и нашим вниманием к нему. Их участие в академическом дискурсе разрушительно, но освежает.

Рефлексия: в этот момент я осознаю различия между старыми и новыми протоколами, но также лучше могу оценить новшества. То же самое можно сказать и о моей личной жизни, например, о поездке в пекарню, и о моей академической жизни с ее, казалось бы, бесконечной чередой встреч в Zoom'е. Я достигаю своего рода равновесия.

21 апреля 2020 года

Почему мне до сих пор так тяжело работать дома? Такое чувство, что я сопротивляюсь гравитации, тянущей меня в другой способ существования в этом домашнем пространстве. В моем офисе в кампусе все, на чем я сосредоточен, – это работа. Здесь, дома, мне хочется сидеть на заднем дворе или читать какую-нибудь неакадемическую книгу, или играть на пианино, или готовить, или разговаривать с Кариной, или гулять, или есть. Моей силы воли едва хватает, чтобы сопротивляться всему, что меня тянет. В моем университетском офисе это совсем не так. Хуже того, дома есть смутное чувство страха, связанное со всеми рабочими задачами. Кажется, они вот-вот выйдут из-под контроля, и каждый раз, когда я погружаюсь в них, меня охватывает странное чувство надвигающейся катастрофы. Опять же, офис в кампусе, кажется, является местом, где все может быть сделано так или иначе. Я чувствую, что сам офис говорит мне, что я делал все это раньше; каждая проблема была решена. Дома

кажется, что есть слишком много разных вещей, которыми нужно управлять, и нагромождение задач никогда не закончится.

Рефлексия: несмотря на баланс, указанный в предыдущей записи, мой уровень напряженности растет. Прошло пять недель с начала социального отчуждения, и хотя я частично адаптировался, часть меня очень напряжена в связи со всеми изменениями. Работа превратилась из удовольствия в источник страха и дискомфорта. В следующей записи эта тревога принимает форму дурного сна.

4 мая 2020 года

Прошлой ночью мне приснился яркий и тревожный сон. Я должен был вести трактор, но по какой-то причине меня не было на сиденье. Я стоял позади машины, сбоку от задних колес. Я бежал за трактором, держась за длинный шест, который должен был управлять трактором, но я не знал, как это сделать. И трактор определенно ехал! Я изо всех сил старался не отставать от него и пытался понять, как заставить его ехать туда, куда он был должен. В какой-то момент я упал в кустарник, полный шипов и колючек, которые впились мне в кожу. Мне пришлось их вытаскивать, что было очень больно. Сон предполагает, что мое мышление – это водоворот чувств по поводу того, что я должен быть ответственным за нечто не поддающееся контролю, я испытываю бесчисленные маленькие уколы, на которые я должен отвлекаться.

Когда один из моих учеников сегодня выступал перед виртуальной аудиторией, мы слышали громкое, настойчивое мяуканье. Позже одному студенту пришлось бороться с бешеным лаем, пока он говорил. Домашние животные людей любят, когда они ходят по дому, но не любят, когда их люди разговаривают с компьютерами.

Рефлексия: социологи часто критикуют стремление к контролю, связывая его с доминированием и эксплуатацией, особенно когда контроль осуществляется людьми, находящимися у власти. Однако ощущение того, что ситуация выходит из-под контроля, может подорвать способность человека выполнять поставленные перед ним задачи. Это сравнимо с тем, как группа студентов, которая больше не встречается в аудитории, выходит из-под контроля. Стены учебной аудитории, которые обычно исключают посторонних людей, животных и силы природы, растворились. Мой тре-

вожный сон указывает на то, что, несмотря на небольшую адаптивность, я все еще тревожусь, что все вышло из-под контроля.

5 мая 2020 года

Детеныши голубых соек уже оперились. Как бы то ни было, я пошел собирать мангольд [свеклу] в огороде и попал в неприятную ситуацию. Взрослые сойки кричали на меня своими звонкими голосами и низко пикировали над моей головой. Я уронил пластиковый пакет, который принес для мангольда. Когда я нашел его, из-под мешка выползла тощая голубая сойка-подросток! Я не могу поверить, что уронил сумку на птенца, возможно, она порхала под сумкой. В любом случае после того как несколько недель назад кардиналы доставили сойке неприятности, было интересно увидеть этот момент в жизненном цикле голубой сойки и видеть, как взрослые сойки летают взад и вперед по заднему двору, принося еду подростку. Но даже эта часть моего дня ощущалась странной и неуравновешенной. Я стоял у них на пути, а они – у меня. Я угрожал им, а они – мне.

Рефлексия: частью опыта работы из дома стало новое отношение к дому. Вместо места, где я провожу вечера и выходные, теперь это место, где я провожу почти все свое время. Теперь я лучше осознаю события, происходящие вокруг моего дома во дворе, на улице и в окрестностях. Как ни странно, это повышенное осознание моего дома приносит с собой ощущение, что я делю это пространство с другими, включая диких животных. Моя первоначальная реакция на порядок работы из дома состояла в ощущении изолированности, сейчас произошел сдвиг в перспективе, который позволяет включить птиц и уменьшить изоляцию; птицы – своего рода компаньоны, хотя я не особенно счастлив, что эти довольно властные птицы находятся у меня во дворе.

16 мая 2020 года

Это немного странно, когда люди начинают появляться на собрании в Зоот. Появляются лица, а мы ничего не говорим. Я обнаружил, что мне кажется более естественным вести немного неформальный разговор, когда появляются люди, но это не похоже на разговор, который я бы вел со студентами в аудитории перед обычным занятием. «Пространство» встречи Зоот является не-

формальным, но общим, полностью публичным. В классе я бы поддерживал большую дистанцию при разговоре с отдельными студентами. Использование тихих голосов и общего шума в аудитории помогло бы поддерживать нормальный, само собой разумеющийся процесс дистанцирования – создание полузакрытого пространства внутри большего пространства комнаты из-за тихого голоса. Чтобы это произошло, не требуется особых усилий. Это работает само собой. Вы можете перемолвиться парой слов о погоде или текущих событиях со студентом в первом ряду, и эти слова поглощаются акустикой комнаты и общим шумом, создаваемым болтающими и двигающимися студентами. Это общение, тем не менее, помогает сделать аудиторию комфортной перед лекцией. Она кажется живой в нормальном смысле этого слова. В Зоот нам нужен совершенно новый способ «подготовить пространство» для лекции, и часть этого процесса – это странно публичные разговоры о погоде и других тривиальных темах до начала лекции.

Рефлексия: к этому моменту, через два месяца после начала пандемии, я все еще учусь и адаптируюсь. Мое внимание больше, чем когда-либо, сосредоточено на социальной динамике «цифрового занятия», онлайн-социальной ситуации, которая заняла место обычных занятий. Занятие – это совокупность практик, ожиданий, норм, установок, привычек и коммуникативных компетенций. Физически лишённые аудитории, мы механически продолжаем учить и учиться, но в какой-то момент мы должны перестать думать о том, как работает новая ситуация. Мы должны использовать полузабытые навыки создания мест, чтобы превратить «онлайн-урок» в лучшее место для обучения.

В качестве заключения

Оставляю дневник без завершения. Жизнь сама по себе не имеет завершения (хотя у нее всегда есть заключение). Тем не менее мы можем видеть своего рода траекторию: как мяч, брошенный в воздух, он взлетает с одного места и движется к другому месту. Мой опыт преподавания во время пандемии COVID-19 похож на дугу. Он вылетает из определенного места – из кампуса и

из лекционной аудитории – и удаляется от этого места. Я все еще чувствую себя неуверенно в преподавании онлайн, потому что когнитивно, эмоционально, социально и педагогически я еще не приземлился. Я не смог обрести устойчивое чувство места в онлайн-классе и виртуальном кампусе.

Начальная фаза адаптации к «дистанционному обучению» вызывала ощущение, что все рушится. Я испытал чувство разобщенности. Мне не хотелось покидать кампус, и я столкнулся со смесью депрессии, рассеянности, дезориентации и разочарования. Я страдал от сокращения количества и качества свободного времени в результате дополнительного времени, потраченного на адаптацию учебных материалов для онлайн-обучения, и снижения производительности труда. Я испытывал стойкое чувство, что я не был «дома», когда читал лекции, предлагая гостевые лекции и посещая различные типы встреч, хотя я буквально сидел дома. Я скучал по реальным аудиториям, где обычно происходили эти встречи, но еще важнее было вдохновение, получаемое от совместного присутствия в них.

Примерно через три недели после начала кризиса я испытал нечто вроде сдвига. Я почувствовал, что приспособился, и мое настроение улучшилось. Однако процесс адаптации был хрупким и легко сдерживался необычными ситуациями, такими как чтение гостевой лекции или участие в работе аспирантуры. Тем не менее что-то в моем ментальном состоянии уже изменилось. Я заметил перемену в моем музыкальном вкусе, предполагая, что я стал немного более терпеливым и внимательным.

Многое в работе и личной жизни остается странным и чуждым. Я достиг своего рода равновесия, но мой навязчивый сон о попытке управлять убегающим трактором с помощью длинной палки, когда я бегу позади, указывает на то, что мое напряжение только лишь было покрыто тонким слоем «новой нормы». На подсознательном уровне я все еще чувствую, что ситуация выходит из-под контроля. Я осознаю, что работа превратилась из того, что мне нравилось, в источник страха и дискомфорта. В ответ я использую навыки создания мест в онлайн-среде обучения, работаю над тем, чтобы чувствовать себя более комфортно в виртуальном пространстве.

Список литературы

- Adams P.C. Communication in virtual worlds // Oxford Handbook of Virtuality / ed. by Grimshaw M. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2013. – P. 239–253.
- Adams P.C. Cyberspace and virtual places // Geographical Review. – 1997. – N 87 (2). – P. 155–171.
- Adams P.C. Network topologies and virtual place // Annals of the Association of American Geographers. – 1998. – N 88 (1). – P. 88–106.
- Auto/ethnography: Rewriting the self and writing the social / ed. by Reed-Danahay D.E. – Oxford : Berg, 1997. – 292 p.
- Boykoff M. Creative (climate) communications. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – 316 p.
- Chapter 13. Paradoxes of Disconnected Connection / Adams P.C., Behrens V., Hoelscher S., Lavrenova O., Robinson H., Yuan Y. // Disentangling: Geographies of Disconnection / Ed. by Jansson A. Adams P.C. – Oxford : Oxford University Press (forthcoming, 2021).
- Denshire S. On auto-ethnography // Current Sociology Review. – 2014. – N 62 (6). – P. 831–850.
- Ellis C., Adams T., Bochner A. Autoethnography: An overview // Historical Social Research. – 2011. – N 36 (4). – P. 273–290.
- Ellis L. 4 colleges, 2 weeks, one choice: How covid-19 scattered U.S. higher education // The Chronicle of Higher Education. – 2020. – April 8. – URL: <https://www.chronicle.com/article/4-colleges-2-weeks-one-choice-how-covid-19-scattered-u-s-higher-education>
- Giddens A. Time-space distanciation and the generation of power // A contemporary critique of historical materialism. – Macmillan Education, 1995. – P. 90–108.
- Hubbs D., Brand C. The paper mirror: Understanding reflective journaling // Journal of Experiential Education. – 2005. – № 28 (1). – C. 60–71.
- Learning as transformation: Critical perspectives on a theory in progress / ed. by Mezirow B. – New York : Jossey-Bass, 2000. – 368 p.
- The MOOC model for digital practice / McAuley A., Stewart B., Siemens G., Cormier D. – 2010. – URL: https://www.oerknowledgecloud.org/archive/MOOC_Final.pdf
- Weller M. The digital scholar: How technology is transforming scholarly practice. – London : Bloomsbury Academic, 2011. – 256 p.

References

- Adams, P.C. (2013). Communication in virtual worlds. In: Grimshaw, M. (ed.) *Oxford Handbook of Virtuality* (pp. 239–253). Oxford; New York: Oxford University Press.
- Adams, P.C. (1997). Cyberspace and virtual places. *Geographical Review*, 87(2), 155–171.
- Adams, P.C. (1998). Network topologies and virtual place. *Annals of the Association of American Geographers*, 88(1), 88–106.
- Reed-Danahay, D.E. (ed.) (1997). *Auto/ethnography: Rewriting the self and writing the social*. Oxford: Berg.

- Boykoff, M. (2019). *Creative (climate) communications*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Adams, P.C., Behrens, V., Hoelscher, S., Lavrenova, O., Robinson, H., Yuan, Y. (forthcoming, 2021) Chapter 13. Paradoxes of Disconnected Connection. In: Jansson, A. Adams, P.C. (eds.). *Disentangling: Geographies of Disconnection*. Oxford: Oxford University Press.
- Denshire, S. (2014). On auto-ethnography. *Current Sociology Review*, 62(6), 831–850.
- Ellis, C., Adams, T. Bochner, A. (2011). Autoethnography: An overview. *Historical Social Research*, 36(4), 273–290.
- Ellis, L. (2020, April 8). 4 colleges, 2 weeks, one choice: How covid-19 scattered U.S. higher education. *The Chronicle of Higher Education*. Retrieved from: <https://www.chronicle.com/article/4-colleges-2-weeks-one-choice-how-covid-19-scattered-u-s-higher-education>
- Giddens, A. (1995). Time-space distancing and the generation of power. In: *A contemporary critique of historical materialism* (pp. 90–108). Macmillan Education.
- Hubbs, D., Brand, C. (2005). The paper mirror: Understanding reflective journaling. *Journal of Experiential Education*, 28(1), 60–71.
- Mezirow, B. (Ed.). (2000). *Learning as transformation: Critical perspectives on a theory in progress*. New York: Jossey-Bass.
- McAuley, A., Stewart, B., Siemens, G., Cormier, D. (2010). *The MOOC model for digital practice*. Retrieved from: https://www.oerknowledgecloud.org/archive/MOOC_Final.pdf
- Weller, M. (2011). *The digital scholar: How technology is transforming scholarly practice*. London: Bloomsbury Academic.